

Только теперь Яга Масамити осознал, почему в свое время, еще до поступления Годжо Хары и Годжо Сатору, кадровая чехарда в Токийском магическом колледже перешла все разумные границы. Переводы, внезапные увольнения под предлогом семейных обстоятельств или неотложных дел — все выглядело на удивление чинно, будто просто совпало по времени.

Но стоило начаться киносеансу, как правда выплыла наружу: за всеми этими кулисными интригами стоял не кто иной, как Хара.

И цель у него была одна — вымести подчистую всех, кто мог хоть как-то навредить Сатору. Безнадежный случай запредельной братской гиперопеки.

**[Еще до поступления в Токийский колледж Годжо Хара всю брался за задания первого и особого рангов — те, что были не под силу большинству обычных магов.

Но для Хары изгнание даже сильнейших проклятых духов превратилось в рутину, не требующую ни малейших усилий: телепортация к цели, Завеса, один сокрушительный удар, и дело сделано. Спустя мгновение он уже перемещался дальше, оставив вспомогательным управляющим лишь рутинную уборку последствий.]***

Зрители в зале заворуженно наблюдали, как Годжо Хара с методичностью палача вычеркивает из списков проклятых духов, отправляя их в небытие одного за другим. Подобная продуктивность лишала дара речи.

Особенно остро это понимали Сатору и его здешний аналог — тридцатилетний Годжо-сенсей. Обладая Шестью глазами, они как никто другой представляли, какую колоссальную нагрузку испытывает организм Хары при такой работе.

Дело было вовсе не в запасах проклятой энергии. Шесть глаз позволяли распределять ее с филигранной точностью, снижая затраты практически до нуля. К тому же у Хары этот резерв был столь огромен, что восполнялся быстрее, чем тратился.

Но телепортация — а если точнее, сжатие пространства с помощью «Синего» ради сверхзвукового перемещения — требовала непрерывных математических расчетов. Шести глазам приходилось в доли секунды вычислять колоссальные массивы данных о расстоянии, плотности воздуха и препятствиях. Нагрузка на мозг в эти моменты должна быть чудовищной. А Хара ухитрялся удерживать этот темп без единой паузы.

Годжо-сенсей не выдержал, повернулся к Харе и спросил:

— Перемещение через «Синего» требует ежесекундного контроля скорости и дистанции. Мозг от такого плавится. Как ты выносишь подобное часами напролет?

Его собственный график ломился от вызовов, хотя сами цели для него были не опаснее мух — одного щелчка хватало. Львиную долю времени он бессмысленно убивал на поезда и перелеты. Реши он проблему с умственным переутомлением, он мог бы сам перевыполнять норму за всю Ассоциацию, не растрачивая драгоценные часы на дорогу, и наконец высыпаться, а не спать жалкие три-четыре часа в сутки.

— Обратная проклятая техника позволяет обновлять мозг, — невозмутимо отозвался Хара. — Начинают отмирать перегруженные клетки — просто выжигашь их и воссоздаешь заново. — Он сделал короткую паузу и добавил: — К тому же моя техника восстанавливает не только плоть, но и ментальное состояние. Вся психологическая усталость стирается подчистую.

Годжо-сенсей даже не пытался скрыть жгучую зависть:

— Серьезно? Даже ментальное истощение?!

Почему его собственная техника так не умела? Невероятная, недостижимая роскошь! Впрочем, расспрашивать Хару о деталях он не стал. Его личная обратная техника действовала исключительно эгоистично, исцеляя лишь его самого, в отличие от альтруистичного дара Хары или Иэири Сёко, способных лечить других.

Однако Сатору уловил в словах брата недосказанность.

— И это действительно так просто? Ладно, последствия можно залечить обратной техникой. Но сам процесс вычислений? Пока ты рассчитываешь прыжок на огромную дистанцию, твой разум принимает весь удар на себя здесь и сейчас.

В своей финальной битве, пытаясь успеть во все горячие точки сразу, Сатору тоже прыгал без остановки. И помнил, какая дикая, раскалывающая череп боль сопровождала каждого такого прыжку, несмотря на постоянную регенерацию.

Он нахмурился, в упор глядя на Хару:

— Зачем так надрываться, когда никто не гонит в шею? Тебе что, голову не жалко? Или у тебя запасная в кармане лежит?

— Ну... поболит немного и перестанет, делов-то, — смущенно пробормотал Хара. — Обратная техника все равно все чинит. Мозги — дело такое: пока старые не выбросишь, новые не вырастишь...

Сатору одарил его долгим, тяжелым взглядом.

Хара тут же поспешил капитулировать, виновато опустив голову:

— Ладно, ладно, каюсь. Больше не буду. Твой старший брат все понял и осознал. Обещаю больше не дурить, прикрываясь регенерацией.

Только тогда Сатору сменил гнев на милость.

Наблюдавший за этим Годжо-сенсей лишь покачал головой. Видеть, как этот высокомерный, держащий в страхе весь мир маг мгновенно превращается в послушного старшего братика, едва младший нахмурит брови, было невероятно забавно. Контраст поражал.

*[Во время выполнения последнего задания Годжо Хара подвергся внезапному нападению и оказался затянут в чужую территорию.

— Расширение территории: Сплетение материнских лон!

Применившим технику магом оказалась женщина с уродливым шрамом от швов на лбу.]**

Вглядываясь в появившееся на экране женское лицо, Хара медленно обернулся к Юдзи:

— Это Каори Итадори. Твоя мать.

Юдзи опешил, округлив глаза:

— Что?! Моя... мама?

До него не сразу дошел смысл сказанного.

— Моя мама была магом? Да еще и умела расширять территорию? Но... зачем ей нападать на господина Хару?

Мэгуми, сохранив привычное хладнокровие, перебил его:

— Она твоя мать лишь биологически. Посмотри на ее лоб — там те же швы. Тот ублюдок, что проклял мою маму, носил точно такие же отметины. Очевидно, это одно и то же существо — тот самый паразит-мозг, захватывающий чужие тела.

Юдзи заметно приободрился и облегченно выдохнул:

— Значит, это не она... — Он со злостью сжал кулаки. — Мразь! Осквернить тело моей мамы...

Лицо Хары приняло весьма двусмысленное выражение. Он негромко произнес:

— Нет, Юдзи. К сожалению, именно этот паразит тебя и родил.

Дальнейшие разъяснения не потребовались. Кадр на огромном экране сменился, переноса зрителей в прошлое — к моменту, когда Кэндзяку впервые положил глаз на Каори Итадори.

**[Вскоре после свадьбы Каори и Дзина Итадори девушкой заинтересовался неизвестный мужчина со шрамами на лбу. Однако прежде чем он успел воплотить свои планы, Каори попала в автокатастрофу.

Пока врачи в реанимации боролись за ее жизнь, этот человек проник в палату, извлек мозг несчастной и занял ее тело.

«Каори» вернулась к мужу. Маскировка паразита была далека от идеала, но ослепленный горем Дзин словно не замечал подмены, продолжая окружать фальшивку лаской и любовью.

Его отец, Васукэ Итадори, чувствуя неладное, пытался вразумить сына. Но Дзин наотрез отказывался признавать смерть супруги, упрямо твердя, что перед ним его законная жена.

Спустя время «Каори» забеременела. С каждым днем ее живот рос.

С ее губ не сходила зловещая улыбка. Нежно поглаживая округлившийся живот, она ласково шептала:

— Рости большим и сильным, мой милый мальчик... Ты должен оправдать мои ожидания, ведь я создала тебя как идеальный сосуд для Сукуны.]**

В зале воцарилась гробовая тишина. Присутствующие онемели от шока.

Поскольку до этого Кэндзяку видели исключительно в мужских телах, все по умолчанию считали этого древнего мага мужчиной. И вдруг выясняется, что он захватил тело Каори Итадори до ее беременности и выносил плод самостоятельно.

Выходит, этот монстр в самом прямом, физиологическом смысле спал с Дзином Итадори и зачал Юдзи!

Неужели это и есть коварные замыслы величайшего злодея эпохи? Лично беременеть и рожать ради достижения целей?

Годжо-сенсей в полнейшем ступоре сорвал повязку с лица. Его небесно-голубые глаза лихорадочно расширились. Лишь спустя минуту он выдавил хриплым голосом:

— Что ж... В этом деле я официально признаю его Сильнейшим!

Каким бы могущественным ни был сам Годжо Сатору, забеременеть и родить ребенка он бы точно не сумел при всем желании. Перед материнским подвигом Кэндзяку он готов был склонить голову.

Что касается Юдзи — в обоих залах у парней окончательно отключилось критическое мышление. Разум просто заблокировал эту информацию.

Одно дело — узнать, что твою покойную мать превратили в марионетку. Совсем другое — осознать, что тебя зачал и выносил тысячелетний паразит в ее теле.

Его отец, Дзин Итадори, предстал в совершенно новом свете. Настоящий безумец без страха и упрека.

Юдзи сидел бледный как полотно. Осознание того, что его биологическая мать — это Кэндзяку, подкосило парня окончательно. Он пребывал в глубокой прострации, не в силах вымолвить ни слова.

А фраза о том, что его сотворили лишь ради того, чтобы сделать «сосудом для Сукуны», окончательно добила его.

Для Юдзи из первого зала новость звучала дико, но личного кошмара в ней было меньше. В его мире Сукуна пробыл в его теле считанные минуты. Прежде чем парень успел осознать весь ужас положения, Хара начисто извлек проклятую душу наружу, скрыв от младшего сам факт подселения паразита. Юдзи даже не помнил, каково это — делить тело с Двудиким.

А вот Юдзи из оригинального мира повезло куда меньше. Двудикий Сукуна по-прежнему дремал внутри него, из-за чего верхушка магов приговорила парня к отложенной казни.

Вся его жизнь пошла наперекосяк из-за проклятых пальцев. И теперь выясняется, что сама его жизнь — от начала и до конца — плод изощренного эксперимента твари, носившей лицо его матери.

"Разве я... вообще должен был появляться на свет?" — уныло подумал он.

Годжо-сенсей потрепал приунывшего ученика по плечу, пытаясь разрядить обстановку:

— Гляди шире, Юдзи! Ты у нас, оказывается, дитя пророчества, сотворенное одним злодеем для другого! Судя по всему, этот парень-мозг питает к Сукуне поистине неземную привязанность.

Юдзи неловко почесал затылок:

— Хорошо хоть Сукуну здесь заглушили, сенсей. Иначе он бы точно вырастил рот у меня на щеке и засыпал вас проклятиями.

— Ха-ха! Даже если бы сам Король проклятий вздумал со мной пререкаться, последнее слово

все равно осталось бы за мной! — лучезарно улыбнулся Годжо-сенсей.

«Если Сукуна заблокирован правилами этого места, то и Кэндзяку здесь, скорее всего, нет. Выходит, тот, кто устроил этот просмотр, играет на нашей стороне?» — размышлял Годжо-сенсей.

Он покосился на Юдзи из параллельного зала. Сквозь призму Шести глаз было отчетливо видно: на лице мальчика нет ни намека на чужие проклятые отметины или лишние глаза. В том мире с Сукуной уже покончено? Сенсей сгорал от нетерпения узнать, как именно им удалось уничтожить Короля проклятий, не пожертвовав при этом мальчишкой. Такой опыт определенно стоило перенять.

Тем временем экран продолжал беспристрастно демонстрировать хронологию материнства Кэндзяку во всех физиологических подробностях.

Зрители дружно вздыхали и отводили глаза.

— Настоящая мать-героиня! — язвительно заметил Сатору.

Не перехвати сенсей лавры первого остряка, он бы и сам окрестил паразита «Сильнейшим родителем».

— Кстати, а Кэндзяку вообще мужчина или женщина? — озвучил он вертевшийся у всех на уме вопрос. — До того как превратиться в бродячий мозг, он ведь кем-то родился. Какой у него был изначальный пол?

Сатору буквально изнывал от любопытства.

Хара неторопливо извлек из кармана свиток-артефакт, в котором был запечатан Тэнгэн:

— Спросим у первоисточника. Тэнгэн наверняка в курсе.

Оба они — выходцы из эпохи Хэйан. Даже если они не водили близкой дружбы, то пересекались регулярно. Тэнгэн обязан помнить, кем был Кэндзяку до того, как пустился во все тяжкие с пересадкой мозгов.

Сатору удивленно уставился на свиток:

— Ты его не уничтожил? Зачем он тебе?

Он полагал, что раз Барьер Тэнгэна пал, а сам Тэнгэн бесследно исчез, Хара попросту стер его

с лица земли за неугодность. Тэнгэн ведь уже начал превращаться в проклятого духа, так что его зачистка выглядела вполне логичным шагом.

— Тэнгэн потерял былую власть, но его память — бесценный архив, — пояснил Хара. — Эдакая ходячая энциклопедия. Запечатал его на всякий случай, чтобы консультироваться при необходимости. Весьма практично.

Изгнат его можно в любую секунду, а вот вернуть обратно уникальные знания уже не получится. К тому же печать наложена в его личном пространстве, так что никто, кроме него самого и Сатору, не сможет нарушить барьер. Полная безопасность.

Услышав этот будничныи диалог, маги из оригинального мира пришли в ужас:

— Вы... пленили великого Тэнгэна?!

Годжо-сенсей, разглядывая странное карикатурное существо с четырьмя глазами на свитке Хары, напоминающее деформированный большой палец, недоверчиво хмыкнул:

— И вот это недоразумение — наш великий покровитель? Да ладно, шутите?

Хара проигнорировал их изумление. Он попытался развернуть свиток, но ощутил, как непреодолимая незримая воля блокирует любые манипуляции с печатью.

В его сознании эхом отозвался бесплотный голос:

"Лица, лишённые приглашения, не могут присутствовать в зале"

Тэнгэн не входил в список гостей. Даже будучи пленником в чужом кармане, он оставался за пределами дозволенного.

Хара мог бы силой раскрыть территорию и преодолеть запрет, но это неизбежно спровоцировало бы конфликт со скрытым хозяином этого пространства. Догадываясь о природе здешней силы, он не желал поднимать шум раньше времени. Свиток вернулся на место.

— Тэнгэн вне списка гостей. Местная сила не даёт выпустить его, — спокойно обронил Хара.

Сатору понимающе кивнул, избавив брата от лишних расспросов. Связывающая их ментальная связь избавляла от нужды в долгих беседах.

Годжо-сенсей молча наблюдал за этой сценой. Его взгляд стал ещё более задумчивым.

**[Произведя на свет дитя, Кэндзяку тщательно исследовал физические параметры новорожденного Юдзи и удовлетворенно улыбнулся:

— Мои труды не пропали даром. Мальчик получился безупречным. Его тело не просто способно пережить смертоносный яд пальцев Сукуны — он обладает врожденной силой подавлять волю Короля проклятий.]**

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

В первом зале Хара лишь удовлетворенно подтвердил свои догадки:

— Так и знал. Способность Юдзи сохранять рассудок и подавлять Сукуну — не счастливая случайность, а результат тонкой селекции.

Сатору закинул руки за голову, лениво протянув:

— Этот паразит слаб в открытом бою, вот и берет коварством. Пытаясь вернуть Сукуну, он подстраховался на случай, если тот отбился бы от рук. Создать идеальную клетку, способную удержать монстра внутри — прагматичный ход.

Юдзи слушал их с нарастающим чувством абсурда. Поскольку Хара стер из его памяти все следы слияния с Дзуликом, парень чувствовал себя сторонним наблюдателем. Мысль о том, что его рождение — лишь шестеренка в тысячелетнем заговоре безумного мага, заставляла его мозг плавиться.

В это же время во втором зале лицо Годжо-сенсея утратило былую веселость.

Раньше он верил, что уникальная сопротивляемость Юдзи — чудо, обусловленное силой его духа. Теперь же реальность больно щелкнула его по носу: и совместимость с ядом, и способность блокировать волю Дзуликого были заложены в генокод Юдзи искусственно.

Это в корне меняло дело. Если Кэндзяку столь тщательно конструировал сосуд, он наверняка оставил в теле мальчика скрытые триггеры, о которых никто даже не догадывается.

«Кто знает, в какой момент сработает ловушка? Как только выберемся отсюда, скармливать Юдзи новые пальцы строго запрещено. Сперва нужно найти и уничтожить Кэндзяку», — решил Годжо-сенсей.

Он скользнул взглядом по лицу своего ученика, отмечая плотно сомкнутые щели под глазами и едва заметные темные полосы на коже. Оставалось лишь благодарить создателя этого места за то, что Король проклятий внутри Юдзи сейчас полностью изолирован от внешнего мира. Узнай Сукуна эти тайны, усмирить его на воле стало бы в разы сложнее.

****[Убедившись, что новорожденный Юдзи полностью соответствует заявленным требованиям, Кэндзяку оставил младенца на попечение его деда, Васукэ, а сам инсценировал собственную смерть и покинул дом Итадори.]****

Дзина, который все это время делил с ним ложе, ждала незавидная участь. Кэндзяку лишил его разума, погрузив в состояние вегетативной комы, и спрятал биологически активное тело в тайнике как запасной ресурс.]**

Видя на экране, как жестоко обошлись с его отцом, Юдзи сжал кулаки от бессильной ярости:

— Тварь... Отец ведь ни в чем...

— Твоего отца лишили жизни еще тогда, — спокойно произнес Сатору. — Кэндзяку сохранил лишь пустую плоть на случай форс-мажора. И оказался прав. Когда твоя система отторгла душу Сукуны, паразит воспользовался телом Дзина, чтобы возродить Короля проклятий в новом обличье.

Сатору не стал вдаваться в кровавые подробности о том, как лично оборвал жизнь Дзина, ставшего новым воплощением Сукуны. Но Юдзи был смышленным малым и сам сложил элементы мозаики.

На душе у него стало невыразимо тоскливо. И отец, и он сам были лишь разменными монетами, предназначенными для одной цели. Вся трагедия их семьи была разыграна по нотам под дирижерством Кэндзяку.

Тем не менее положение Юдзи из первого зала можно было назвать завидным — он никогда не знал, каково это, когда монстр захватывает контроль над твоими руками и выкашивает целые кварталы.

А вот его двойник из оригинальной реальности испытывал глубокое отчаяние. Прямо сейчас Сукуна делил с ним плоть и кровь. И пусть барьеры кинозала временно усыпили чудовище, за порогом этого места их ментальный кошмар возобновится.

Вдруг из соседнего сектора донесся резкий, дребезжащий старческий голос:

— Итадори Юдзи изначально создавался как сосуд Короля проклятий! Его следовало немедленно ликвидировать при первом же обнаружении!

Юдзи вздрогнул и повернул голову. Напротив, в первом зале, престарелый Гакуганзи Ёсинобу в ярости стучал тяжелой деревянной тростью по полу.

Парень прекрасно помнил этого сухопарого старика — директора Киотского колледжа. Лидер консерваторов, спавший и видевший его смертный приговор. Именно по его указке ученики из Киото пытались убить Юдзи во время межшкольного соревнования сестринских школ.

Сатору из первого зала недовольно поморщился и протянул с издевкой:

— Слышь, гнилой мандарин, Сукуна уже кормит червей, какая тебе разница, чей он там сосуд? Только и умеете, что совать палки в колеса да отправлять детей на убой. Еще хоть раз твякнешь в сторону Юдзи — и я лично отправлю тебя на пенсию. Навечно.

Гакуганзи задрожал от гнева, его седые усы зашевелились:

— Подобную угрозу следовало выжечь под корень при первых же признаках!

— Ваша превентивная казнь ничего бы не изменила, — холодно парировал Хара. — Даже избавься мы от Юдзи, у Кэндзяку оставался запасной вариант в лице Дзина Итадори. Не возродись Сукуна в сыне, паразит без проблем пересадил бы его в отца.

Старик лишь глухо фыркнул и отвернулся. Против железной логики братьев Годжо у него не нашлось аргументов. В конце концов, именно Хара и Сатору зачистили угрозу, пока верхушка магов дрожала в своих кабинетах. Упрекать спасителей мира ему было не с руки.

Зато во втором зале Годжо-сенсей весело хлопнул своего приунывшего ученика по плечу:

— Слышал, Юдзи? Даже откажись ты глотать эти мерзкие пальцы, Кэндзяку просто скормил бы их твоему отцу. Так что гордись — ты, можно сказать, спас папу от позора стать Королем проклятий!

И эти легкомысленные слова действительно принесли Юдзи облегчение. Долгое время его грызло чувство вины — он считал себя виновником возвращения древнего зла.

Теперь же пелена спала. Кэндзяку в любом случае довел бы дело до конца, нашел бы другую жертву.

"Раз так, то пусть лучше это буду я", — подумал Юдзи. Он хотя бы сможет уйти на своих условиях, забрав эту тварь с собой в могилу и защитив тех, кто ему дорог.

**[Трудолюбию Кэндзяку можно было только позавидовать. Едва надежно спрятав тело Дзина, он, все еще используя оболочку Каори, переключил свое внимание на устранение Годжо Хары.

Когда Хара подмял под себя клан Годжо и начал диктовать свои условия всей верхушке магов, паразит осознал, насколько смертоносен этот дуэт. Один из близнецов обладал не просто выдающейся силой, но и опасным стратегическим умом.

Кэндзяку понял: Хару необходимо ликвидировать.

Законы природы, предписывающие рождение лишь одного обладателя Шести глаз в эпоху, дали сбой, явив миру близнецов. Но раз это произошло, Кэндзяку решил исправить аномалию

самым простым способом. Оставив в живых одного лишь Сатору, он заблокировал бы рождение новых обладателей Рикугана и устранил бы главную помеху своим планам в лице Хары.]**

Сатору возмущенно надул губы:

— Эй! Что значит «брат опаснее»? Я что, по его мнению, просто пустое место?!

<http://bllate.org/book/19549/2004417>